

В ту ночь мы остановились в поместье у подножия горы. Все меридианы Цзи Минчэня изнывали от острой боли, так что теперь уже я обнимал его, пока он спал. Едва стемнело, как он — редкий случай — уснул раньше меня.

Я держал его в объятиях, и мне казалось, будто мы вернулись в тот месяц, проведённый в посольском подворье. Тогда он целыми днями лежал в полузабытьи, и мне только и оставалось, что смотреть на него да целовать. Но теперь, глядя на его побледневшие губы, я чувствовал лишь щемящую тоску и отчаянное желание прижать его к себе ещё крепче.

Ещё днём в экипаже я спросил, кто отравил его.

Я-то полагал, будто яд подмешали чиновники из конвоя, кто-то из Палаты государственного этикета, императорские стражники или даже мой Второй брат — чтобы сковать его силы.

Но я ошибался.

Едва прозвучал этот вопрос, как с его лица слетела улыбка. Он долго сидел, опустив глаза, а затем отстранённо проронил:

— А кому же ещё.

И тут до меня дошло. Ну конечно. Кому же ещё.

Он впервые обмолвился о своём прошлом, и одной этой короткой фразы хватило, чтобы моё сердце едва не разорвалось в клочья. Я крепко сжал его в объятиях и без конца шептал, что буду рядом всегда.

Я больше никогда не хочу видеть у него такое выражение лица.

Переживая за его здоровье, на следующее утро я повёл его вместе с лекарем в усадьбу на склоне горы.

Придворный лекарь предупреждал: исцеление от этого яда потребует терпенья перед жуткой болью. На склоне же находился естественный горячий источник, идеальный для лечебных ванн. Вода должна была прогреть меридианы и хоть немного облегчить его страдания.

— Сначала я проведу сеанс иглоукалывания, чтобы воздействовать на ключевые акупунктурные точки, — разъяснил старый лекарь. — Затем вам придётся пустить ци по каналам и совершить полный оборот. Ваши меридианы повреждены и усохли, так что боль будет невыносимой, но вы обязаны пробить заторы, иначе о восстановлении не может быть и речи.

— Благодарю вас. Приступайте, — не колеблясь, отозвался Цзи Минчэнь.

Лекарь помешкал и добавил:

— Боль при восстановлении меридианов вынесет не каждый. У меня есть трава сонного оперения, она притупит чувства и утишит муки.

— Спасибо, не нужно, — отрезал Цзи Минчэнь.

Я переводил растерянный, умоляющий взгляд с него на лекаря и наконец спросил:

— Правда будет так больно?

Цзи Минчэнь улыбнулся мне:

— Не беспокойся. Вовсе не больно.

Старый лекарь лишь погладил бороду да усмехнулся — ни да, ни нет. И кому из них верить?

Помявшись, я вцепился в руку Цзи Минчэня:

— Я останусь с тобой.

Он качнул головой:

— Выйди в прихожую. Подожди там.

Да разве мог я оставить его одного корчиться от боли? Но стоило мне открыть рот, чтобы возразить, как он понизил голос и мягко произнёс:

— А-И, подожди снаружи. Хорошо?

П-постойте... Как... как он меня назвал?!

В моей голове будто гроыхнул сумасшедший салют. Губы сами собой разъехались, и я уставился на него совершенно ошалелым взглядом. Цзи Минчэнь протянул руку и лёгким касанием подцепил меня под подбородок, заставив захлопнуть рот. Но взглядом я всё так же намертво прилип к нему.

Он снова улыбнулся.

И я, точно заколдованный, словно не касаясь пола ногами, поплыл во внешние комнаты. Переступая через порог, споткнулся, так что слуге пришлось подхватить меня под локти.

В последующие несколько часов душа моя витала где-то на девятом небе, а в комнате оставалась лишь глупая, бестолковая оболочка. Эта оболочка без конца блаженно хихикала, проливая чай, едва пытаясь отпить, роняла на себя крошки сладостей и слонялась из угла в угол сбивчивым шагом, бубня под нос невнятицу. Слуга глядел на меня с тихим ужасом.

Скрип.

Звук отворяемой двери вернул мою душу с небес на землю. Я обернулся: из покоев выходил старый лекарь.

Я торопливо шагнул в спальню. Цзи Минчэнь лежал на постели в одной лишь исподней рубашке. Набросил он её явно второпях, воротник съехал в сторону. Смоляные волосы растрепались по подушке, несколько влажных от пота прядей прилипли к щекам.

Я вытащил платок и аккуратно отер его лоб. Он поднял на меня взор — было видно, что, несмотря на крайнее истощение, на душе у него легко.

— Лекарь сказал, ещё шесть сеансов иглоукалывания, и яд полностью выйдет, — проговорил я.

В его глазах плескался живой, чистый свет, а с губ не сходила улыбка:

— Угу.

И глядя на то, как он улыбается, я тоже не удержался от улыбки, загнав щемящую жалость подальше в грудь.

Для полного очищения от яда требовалось сочетать иглоукалывание с целебными ваннами. К вечеру лекарь приготовил нужные отвары, и спальня заполнилась терпким, горьковато-пряным ароматом трав.

Цзи Минчэнь уже собирался скинуть одежду, но, повернувшись, заметил меня. Его пальцы, развязывающие тесемки, замерли, а в глазах мелькнуло лёгкое удивление.

Я понимал, что мне следует уйти. Но взгляд сам собой прикипел к обнажённому лоскутку кожи у его шеи, а ноги словно вросли в пол — не сдвинуться с места.

Комнату заволакивала густая парная дымка.

Он вдруг лениво усмехнулся. Легкое движение пальцев — и пояс упал на пол, а вслед за ним соскользнула на доски и без того свободная рубаха.

Обнажилось невероятно сильное, подтянутое... тело.

В голове загудело, колени подогнулись, и я едва успел ухватиться за стену, чтобы не рухнуть.

Он был слишком...

Невероятно...

В посольстве я уже видел его обнажённым по пояс — но тогда, глядя на бесчисленные шрамы, я думал лишь о его боли. Я омывал его тело, но сердце моё было сковано страхом за его жизнь, и я лишь молился о его пробуждении. Мне казалось, будто ничего нового я уже не увижу, и удивляться нечему.

О, как же я ошибался! Насколько же бесповоротно и глупо!

Теперь, когда эта мужественная фигура возвышалась передо мной сквозь полупрозрачную завесу пара, в моей груди вспыхнуло прежде незнакомое, дикое влечение. Старые шрамы нисколько не портили его: напротив, они придавали ему суровую, хищную красоту. Каждая линия его тела отзывалась в моём сердце ритмом древнего победного гимна.

Заметив моё состояние, Цзи Минчэнь нахмурился от беспокойства и сделал шаг ко мне.

Я оцепенело поднял руку к лицу и коснулся чего-то горячего и влажного.

Кровь.

— Ты... — Он уже подошёл вплотную, одновременно качая головой от смеха и сокрушаясь. Забрав из моих пальцев платок, он прижал его к моему носу.

— Хо... холодно же! Быстрее залезай в воду! А я... я пойду!

И я позорно сбежал.

Сяфэн помог мне остановить кровь и приложил ледяную ткань к затылку и переносице. Заметив, как я дрожу, он испугался, что я замерзну, и спешно разжёл жаровню, усадив меня к огню.

Да только мерзнуть я и не думал — всё моё естество охватил невиданный прежде жар.

Острый, жгучий импульс волной скатился в низ живота, и я с ужасом почувствовал, как моё тело предательски меняется. Это незнакомое ощущение отозвалось паникой: неужели я заболел? В глубине души я догадывался, что происходит нечто крайне неприличное, а потому не смел расспрашивать слугу, лишь судорожно обнял колени.

Из внутренних покоев доносились тихие всплески воды. И с каждым всплеском моё сердце совершало отчаянный кувырок.

Я уткнулся лицом в колени, пытаюсь заглушить смущение, но образ его идеального, сильного тела стоял перед глазами, вспыхивая всё ярче. И с каждой этой мыслью невнятное томительное влечение разгоралось лишь сильнее.

Влечение...

Я впервые познавал это смутное, головокружительное чувство. Я не умел подобрать ему слов, но точно знал: я хочу быть ближе к нему. Ещё ближе. Совсем рядом.

— А-ах... — вырвался у меня беспомощный, глухой стон.

Сяфэн тут же подскочил ко мне:

— Ваше Высочество, что с вами?!

— Холодного чая, — с трудом выдавил я.

— Но на дворе зима, ночь наступила, Ваше Высочество...

— Живо неси!

Осушив прямо из кувшина несколько пиал ледяного чая, я наконец почувствовал, как пламя внутри понемногу угасает. Тело вроде бы снова стало послушным, и я перевёл дух.

Дверь из спальни тихо скрипнула.

Я плотнее запахнул плащ и вытянул зябнущие пальцы над углями, делая вид, будто увлечён обогревом.

Он подошёл и опустился на тахту подле меня. Вместе с ним пришло тепло и тонкий, горьковато-пряный пар от целебных трав. Покосившись крайком глаза и убедившись, что на

нем белеет нательная рубаша, я наконец осмелился поднять взор.

— Ты...

Слова застряли в горле — у меня вновь перехватило дыхание.

От горячей ванны его щеки тронул мягкий румянец. Рубашка висела всё так же свободно, непринуждённо открывая взору лоскут груди с темнеющим шрамом. От всей его фигуры веяло влажным, живительным теплом.

Я в смятении отвернулся:

— Почему ты... почему ты опять не оделся как следует?!

— Прости, — тихо отозвался он и поправил ворот.

Кожа скрылась из виду, а в моей душе почему-то поселилось странное разочарование.

Мне до боли захотелось прикоснуться к нему, побыть к нему как можно ближе. А дураку ли скрыть то, чего жаждет сердце? Я подвинул табурет ближе, так что наши колени соприкоснулись.

Я осторожно сжал его плечо:

— Рука всё ещё болит? Меридианы смогут восстановиться?

— Как прежде, конечно, уже не будет, — ответил он. — Но если усердно тренироваться, семь-восемь частей вернётся. Мне этого вполне хватит.

Голос его звучал легко и живо, в нём чувствовалась небывалая прежде открытость. Я впервые видел его таким искренне обновлённым.

Впрочем, я ловил лишь интонации, едва улавливая сам смысл слов. Находясь так близко, улавливая его дыхание и ощущая живое тепло, я совершенно потерял способность мыслить.

Я поднял глаза. В его взоре замерла явственная, светлая радость — ярко, живо, словно алая азалия на белом снегу. Будто бессмертный дух вырвался из многовекового заточения.

Его тонкие, красивой формы губы от пара влажно заалели, напитавшись мягким нежным оттенком.

— Бессмертный... — прошептал я, заворожённо глядя на его губы и с трудом пытаюсь вспомнить, когда же в последний раз целовал их.

Сердце колотилось в груди, словно бешеное, но нахлынувшее робкое смущение сковало движения. Я так и не решился податься вперёд — то самое чувство, когда шагу не сделать от страха спугнуть долгожданное счастье.

Я честно попытался отвести взгляд, но силы воли не хватило.

И тут уголки его губ дрогнули, расплываясь в лукавой, дразнящей улыбке.

В его глазах сменилось выражение: замешательство уступило место внезапной догадке. Он смотрел на меня с таким небрежным, разбойничьим прищуром.

— Скажи-ка... — нежно выдохнул он, хитро поведя бровью. — Ты что... поцеловать меня хочешь?

<http://bllate.org/book/20619/2132753>